

Составитель совсем не упоминает школьные учебники и хрестоматии по родной литературе, хотя известно, что в 20—30-е годы многие произведения, как оригинальные, так и переводные, часто впервые печатались именно в них. Не полностью охвачены материалы газет «Грозненский рабочий», «Комсомольское племя», «Свет», «Ленинский путь», не говоря уже о районных газетах.

Затрудняет ориентировку читателя путаница в фамилиях и особенно приписывание произведений разным авторам-однофамильцам (это случилось, например, с Озиевыми — тремя разными поэтами). Не лучше обстоит дело и с псевдонимами: составителем они почти не приводятся и, наоборот, указанные часто не расшифрованы. С ошибками приведены названия некоторых произведений. Стихотворение Т. Арчакова «Эса» (читай: река Асса) переведено, как «Теленок» по сходному звучанию;

стихотворение Д. Яндиева «Бага» («Лучина») переведено — «Рот» и т. д.

Недостатком библиографии следует считать перечисление одних и тех же произведений, переиздававшихся несколько раз. Может быть, в этом случае против наименования надо было просто указать даты и места публикации, чтобы не происходило искусственного раздувания «продукции» отдельных писателей и поэтов.

Все эти недоработки (особенно в отношении послевоенной литературы) безусловно будут препятствовать читателю получить полную информацию о чечено-ингушской литературе. Объяснить их, видимо, можно только спешкой, при которой автором не были учтены замечания, сделанные сектором литературы Чечено-Ингушского научно-исследовательского института при подготовке рукописи в печать.

А. МАЛЬСАГОВ

г. Грозный

МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ГОРЬКОГО*

Вслед за своей книгой «Пушкин и молдавский фольклор» литературовед Г. Богач опубликовал новую работу, посвященную связям русской литературы с молдавским народным творчеством, — «Горький и молдавский фольклор».

Книга Г. Богача оставляет общее впечатление добросовестного, основа-

тельного, скрупулезного исследования. Автор, несомненно, сильнее всего в области фактографической: здесь он чувствует себя свободно, поднимая большой, а порой и весьма свежий материал. Многие главы книги читаются с несомненным познавательным интересом. Я бы отметил особо страницы, посвященные рассказу «Старуха Изергиль». Чтение этих страниц полезно не только специалисту, но и школьному учителю, и любознательному ученику.

* Г. Богач, Горький и молдавский фольклор, «Карта молдовеняскэ», Кишинев, 1966, 234 стр.

Основное внимание исследователя отдано выявлению фольклорных источников горьковского текста, сопоставлению, выяснению предполагаемых вариантов и пр. Естественно, что автор не стоит на буквалистских позициях: столько оттуда, столько-то отсюда. Да и весьма сомнителен был бы эффект, достигнутый при таком школярском методе. Нет, Г. Богач постоянно говорит о творческом использовании фольклора Горьким. Он говорит не только о конкретных воздействиях. Он рисует широкую картину разных воздействий, «атмосферу», в которой мог сложиться тот или иной фабульный узел, тот или иной штрих характера, деталь портрета, речевая интонация героя.

Г. Богач уделяет внимание психологии творчества Горького. Автор говорит о «фольклорных импульсах», о предполагаемых ассоциациях, которые могли бы родиться в той или иной житейской ситуации, при восприятии определенных реалий необычного для молодого писателя молдавского быта.

Вот, по-моему, одно из лучших наблюдений Г. Богача. Он говорит о том, как могло возникнуть «путешествие» Изергиль в «Польшу», о «слове-раздражителе», воздействовавшем на слуховую память писателя: «Как помним, из окрестностей *Арцер-Паланки*, из «Болгарии», Старуха переехала в «Польшу», «Польша» — не что иное, как *Борша*, наименование села в районе Влэдень современной Ясской области; так же именуются многочисленные села на территории Трансильвании. М. Горький мог именно так воспринять это слово, потому что ведь он слышал «скрипучий» и «сухой» голос, который «звучал странно»: «он хрустел, точно старуха говорила костями». И действительно, если мы произне-

сем слово *Польша* «скрипуче», «сухо» и «хрустяще», мы неизбежно должны будем придать глухому *n* звонкое звучание (*б*), а говоря «костями», плавное мягкое *ль* мы обязательно переделаем на рычащее — *ррр...* Впрочем, в молдавском или румынском произношении мягкое *ль* даже невозможно: в фонетической системе дако-румынского языка оно отсутствует» (стр. 136—137).

Имея в виду творчество молодого писателя, исследователь указывает и на книжные влияния: Андерсен, Мамин-Сибиряк, Чернышевский, — все это с фактами в руках.

Надо сказать, что о творческой лаборатории Горького мы узнаем все же меньше, чем хотелось бы. Авторы подобных монографий иной раз слишком увлекаются стремлением «уловить сходство», «найти исходную схему», «поймать обработанное». Г. Богач в этом отношении не исключение. Наблюдения над «творческими импульсами» и «словами-раздражителями» все же напластовываются на поиски «первоосновы». И странное порой складывается впечатление. Чем более тщательно суммируются автором факты, тем далее они отходят от общих выводов. Возникают «ножницы» между фактологией и методологией. Читателя стремятся убедить в том, что Горький испытал сильное и совершенно определенное воздействие молдавского фольклора (исследователь завершает свою книгу даже такой фразой: «Пером великого пролетарского писателя М. Горького молдавский народ внес свой вклад в сокровищницу мировой культуры»).

Но фактов, подтверждающих такого рода выводы, недостаточно. Вот пример: Горький «признавался» в том, что «Девушка и Смерть» — «румынская сказка» (таков подзаголовок этого произведения, позднее,

впрочем, снятый им); говоря о поэме, Г. Богач подвергает убедительной критике исследователей-предшественников за натяжки, за натужное стремление «сблизить» несближаемое. Но в конце концов сам следует тем же путем: ни о чем действительно общем с сюжетом поэмы он сообщить нам не может. Читатель может познакомиться со страницами 58—64 книги литературоведа. Но довольно будет привести его характерный автокомментарий к ним: «Выше, в начале этой главы, мы отвергли возможность филиации мотива противоборства жизни и смерти, кото-

рые уже были обнаружены исследователями в украинском и молдавском фольклоре и сказке Горького. Затем мы привели образцы фольклорных произведений, которые не только стоят гораздо ближе к горьковской поэме, но которые имеют также и другое уникальное преимущество, состоящее в том, что только они оправдывают подзаголовок произведения — «Румынская сказка» (стр. 65).

Подобные неоправданные преувеличения снижают общую оценку книги, написанной в целом с живым интересом к творчеству великого писателя.

Л. АНТОПОЛЬСКИЙ

НОВЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Отрадно, когда в той или иной работе, посвященной «Слову о полку Игореве», как за рубежом, так и у нас проявляется понимание «Слова» как произведения художественной литературы. Именно такое отношение лежит в основе французского перевода «Слова», не так давно появившегося под не совсем обычной обложкой: он опубликован в журнале «Industrie» (1965, № 8), издаваемом в Брюсселе «Федерацией промышленных предприятий Бельгии» («Fédération des industries belges»), в ряду произведений, с которыми редакция считает желательным познакомить своих читателей.

Перевод принадлежит молодому преподавателю Свободного университета в Брюсселе Жану Бланкову, активно и увлеченно пропагандирующему древнерусскую культуру,— со-

всем недавно им была опубликована хорошо иллюстрированная работа об архитектуре наших Кижей.

Переводу предпослана статья, в которой Ж. Бланков рассказывает об исторической судьбе текста и дает краткую характеристику произведения. Статья полна не только уверенности в подлинности памятника, но и восторженного отношения к его поэтическим достоинствам. «Волшебное очарование — выражение это не слишком сильно,— исходящее от текста, не перестает пленять современного читателя по прошествии почти восьми веков»,— пишет Ж. Бланков.

Сознавая трудность взятой на себя задачи, переводчик оговаривается, что не претендует на передачу всех красот подлинника, однако его перевод можно признать несомненной удачей.